Петроградъ и Москва въ освѣщеніи прессы нѣмецкой Швейцаріи.

1.

Русскому невыносимо читать характеристики русскихъ иноземцами; невыносимѣе всего показалась съ ихъ дилеммами на правомъ писаться «завѣдомъ».

Очень многое, что писалось «за и про» Россію, писалось не о Россіи, а о... «тѣлѣ медвѣдя», для однихъ очень близкомъ и для другихъ очень грозномъ; въ изображеніи души русской жизни душе то и не было: было... «тѣло медвѣдя»...

Теперь—все не то.

Могутъ касаться русской жизни иной; характеристики бытовыхъ явленій—живѣе, конкретнѣй; и слова иностранцы о томъ, что хотѣла бы и она понимать «горный городъ Москву (это — фактъ) были образомъ и подобіемъ моральныхъ опредѣленій Россіи со стороны иностранцевъ.

2.

Въ осторожной, корректной газетѣ «Basler Nachrichten» появилась статья подъ заглавіемъ: «Moskau und Petersburg» *). Поднимаетъ она очень частыя мнѣнія русскихъ—о Петроградѣ, Москвѣ; интересуетъ насъ въ ней теплый тонъ къ явленіямъ русской дѣйствительности. Я позволю себѣ вкратцѣ весь ходъ мысли статьи: слишкомъ онъ характеренъ, слишкомъ онъ интересенъ знать, русскимъ, чтобы отъ него отказаться.

Противопоставленіемъ Берна Цюриху и Мюнхена прусской столицѣ, Берлину, не характеризуетъ противопоставленія Москвы Петрограду,—пишетъ авторъ статьи; пусть Москва, какъ нашъ Бернъ,—пишетъ далѣе онъ,—говоритъ съ яркою національною физіономіей: Петроградъ же Цюриху не подобенъ; ю, чѣмъ нашъ говоритъ старые переулочки Цюриха, чѣмъ глядятъ на насъ Мюнстеръ, —все же есть выраженіе подлинно швейцарскаго духа; даже сакли Берлинъ, угрожающій прусскимъ духомъ Германіи, все же болѣе связанъ съ Германіей, чѣмъ Петроградъ съ огромною остальною Россіею; [illegible]

*) См. «Basler Nachrichten» отъ 23-го [illegible] г.

Создание новой столицы не измѣняло біенія пульса исторіи: пульсъ исторіи русской—въ Москвѣ; Петроградъ — историческій вымыселъ, съ невѣроятною трудностью возстановленный изъ-за туманныхъ волнъ всевозможныхъ роемъ сознаній для подлинныхъ русскихъ: и небесныя знаменія, и пророчества сопровождали возстаніе это, бывшее для многихъ со-мнѣнію знаменіемъ приближенія антихриста; говорилося: «Быть Петербургу пусту»; и расколы, и секты плодилъ онъ въ Россіи; зародомъ «самосознаній» окрашено его появленіе на свѣтъ.

Авторъ статьи продолжаетъ:—произведеніе той же фантасмагоріи: «всешутѣйшій соборъ» съ «всешутѣйшимъ» вождемъ—«Санктъ-Петербургъ», т. е. городъ съ посуществу не-русскимъ названіемъ, оставленнымъ чуждымъ русскому духу, даже въ своихъ сокращеніяхъ (какъ-то: «Питеръ»); наоборотъ: самобытнѣйшимъ именамъ западныхъ [illegible] Москва изукрашена («бѣлокаменная», «кормилица», «матушка» и т. п.). Дѣло Петрово,—поучаетъ авторъ статьи,—цивилизаторское: не «культура» она, наоборотъ: отрывъ отъ народной культуры; не органическое соединеніе «культуръ» запада и Россіи, а смѣшеніе формы ихъ (цивилизаціи) съ содержаніемъ русской жизни; плодъ смѣшенія этого: дворянинъ русской жизни; и боярскія бороды, связанныя по мановенію ока царя,—глаголетъ авторъ статьи,—возродились, конечно же, въ Петроградѣ, принявъ фантастическій обликъ. «Бюрократизмъ» совершенно чуждъ русской жизни, чтобъ которой—Москва; и оттого-то отсюда исходитъ: нелѣпіе «петербургскаго» періода русской жизни: и смѣшенно цивилизаціи и культуры противополагаетъ Москва органическое соединеніе культуръ «національной» съ «западно-европейской»; цѣль похода Наполеона: не Петроградъ, а Москва; и Москва побѣдила его; и въ [illegible]

Такъ [illegible] что не-спроста въ Москвѣ сосредоточены силы, собственно, исторической жизни Россіи, какъ, напримѣръ, [illegible] освобожденія [illegible]

стоитъ здѣсь; здѣсь же—центръ организаціи земскаго дѣла Россіи; здѣсь центры—коммерческой и благотворительной жизни: многообразіе клиникъ, больницъ, созданныхъ изъ пожертвованій—окружаетъ Москву, украшая ее; все это по автору—символы подлинно органической связи культуры Европы съ культурой народа; такимъ символомъ здѣсь—университетъ (Alma mater Россіи); такимъ символомъ является лучшій и оборудованнѣйшій русскій народный университетъ; и не-спроста: въ Москвѣ родились, въ ней окрѣпли, или же изъ нея родомъ—духовные вожди русскихъ (Пушкинъ, Толстой, Достоевскій, Чаадаевъ, Герценъ и пр.). И не-спроста по автору: Петроградъ—вымышленное «окошко въ Европу», — много разъ показалъ себя «дверью съ засовами»; и не-спроста, что дотматы «петроградской дѣйствительности» упадали тяжелыми камнями на ложное сердце Россіи. И не-спроста сказалъ Достоевскому подлинный славянофилъ Аксаковъ,—что главнѣйшее условіе къ освобожденію живого чувства къ Россіи въ немъ есть; именно: нелюбовь къ «Петербургу». Далѣе приводятся авторомъ и слова Достоевскаго о Петроградѣ, взлетающемъ надъ землею съ туманомъ; характеристика переходитъ къ отношенію Петрограда, Москвы къ мировой войнѣ.

Современную «мировую» войну повела Москва, т. е. сердце Россіи; а японская война—дѣло рукъ Петрограда; этимъ и обусловленъ контрастъ въ отношеніи къ войнѣ русскаго общества теперь и одиннадцать лѣтъ раньше; дѣло рукъ Петрограда не согрѣвало сердце Россіи: на военный призывъ Москвы отозвалась вся Россія; и съ изумленіемъ увидала Европа стойкую, свѣжую, мощную и окрѣпшую Русь. Отозвавшуюся на московскій призывъ соединенныхъ земскихъ и городскихъ союзовъ, бросившихся изъ Москвы на подмогу фронту и осуществившихъ реально, вопреки Петрограду, кровное соединеніе русскаго тыла и фронта; «Петроградъ» тормозилъ это дѣло; даже самъ «московскій погромъ (отъ котораго пострадали, главнымъ образомъ, русскіе)—отраженіе въ Москвѣ «петроградскаго бюрократизма»; съ ужасомъ отшатнулась Москва—свѣжая, либеральная и живая!—отъ этого темнаго дѣла...

Авторъ заключаетъ статью свою указаніемъ, что для побѣды русскихъ надъ нѣмцами необходимо [illegible] для «Москвы», необходимо довѣріе къ «Москвѣ» «Петрограда».

Статья—замѣчательна: интересъ повышается къ ней, если [illegible] мы во вниманіе, что «Basler [illegible] есть орган «нѣмецкой Швейцаріи»—осторожный, корректнѣйшій, справедливый, но все же—«нѣмецкій»...

Статьѣ «Moskau und Petersburg» предшествуетъ другая статья (въ томъ же органѣ); въ ней вскрываются безпристрастно причины роста враждебности русскаго общества къ нѣмцамъ на политической почвѣ; статья разбиваетъ навѣрное иллюзіи многихъ, все еще желающихъ вѣрить въ «бюрократическій» характеръ войны, которую мы ведемъ противъ нихъ; проливается въ ней новый свѣтъ для обитателей Базельланда; и свѣтъ—дневной, подлинный; потушаются ею всѣ условности въ освѣщеньѣ Россіи; и возникаетъ «Московія»—настоящая: либеральная и живая; и возникаетъ «Москва» — не «горный городъ» съ медвѣдями, а Alma mater Россіи.

3.

До послѣдняго времени иностранцамъ казалось: Достоевскій, Толстой—ну да, тамъ; это, это... какіе-то великолѣпные монументы, упавшіе изъ прядущаго въ царство «татарскихъ» поселочковъ (современной Россіи) и не связанные съ ними никакъ; преклоненіе предъ литературою русской носило досадно-абстрактный характеръ, не относимый къ Россіи; такъ выходило у нѣмцевъ: одно—русскій геній; другое же—русскій, встрѣчаемый ими всюду, котораго отвергали они и который ихъ зналъ въ ихъ ложномъ и лучшемъ; зналъ въ Шиллерѣ, въ Гете, въ Новалисѣ... Образъ Божій его проглядѣли они... И вотъ этотъ «русскій»—стоитъ передъ ними грозою.

Они поняли, что этотъ тихій, покладистый русскій—покладистъ и тихъ не отъ того, что «татаринъ» онъ, а отъ того, что въ немъ подлинное воплощеніе геніальныхъ творческихъ образовъ Достоевскаго и Толстого, что они «образы» есть Россія, что Каратаевы, Мышкины и Раскольниковы, это—именно тѣ преслѣдуемые берлинской полиціей бѣдные юноши, появленіе которыхъ въ университетахъ Германіи такъ шокировало «шрамоносныхъ» и сытыхъ сынковъ ихъ. До конца осознать слѣпоту не въ состояніи они и теперь; и черезъ голову «лѣднаго русскаго юноши», готоваго лѣкогда ихъ полиціей въ продолженіе ряда лѣтъ—соединяютъ нынѣ они Достоевскаго и Толстого непосредственно съ народной стихіей, попадая поэтому въ противоположную крайность.

[illegible] «Дидерихсъ» выкуплено [illegible] с русскимъ народомъ и она—[illegible] авторъ пытается нарисовать «мужика» по образу и подобію Каратаева и этимъ образомъ изображаетъ явленія русской народной и исторической жизни; великое смиреніе и безстрашіе русской души выростаетъ изъ этого освѣщенія; и увѣряетъ насъ авторъ; менѣе всего русскій—рабъ; болѣе всего:—изъ свободы моральныхъ исканій передъ собою полагаетъ онъ не бунтъ, а—смиреніе, потому что имъ пережитъ подвигъ «бунта» еще прежде, въ исторіи: въ протестахъ раскола; протопопъ Аввакумъ есть для автора sui generis анархистъ, отстаивающій религіозную совѣсть; русская интеллигенція, — увѣряетъ авторъ статьи,—остановилась на стадіи этого «романтическаго» бунта; между тѣмъ, русскій народъ эту стадію перерослъ; онъ — «этическій реалистъ»; интеллигенціи онъ непонятенъ и чуждъ; умаленіе русской интеллигенціи есть другая абстракція, противуположная прежней: дѣленію всей Россіи на «Толстыхъ» и татаръ; интересно не это; интересенъ сейчасъ глубочайшій разгромъ первоначальныхъ мнѣній о русскомъ народѣ въ нѣмецкомъ сознаніи; съ лихорадочною поспѣшностью бросились изучать нынѣ нѣмцы не изученное ими явленіе: сознаніе многомилліоннаго народа, еще недавно съ открытымъ довѣріемъ обращенного къ нимъ и какъ бы говорящаго имъ въ лицѣ многихъ своихъ представителей:

— Вы должны были насъ полюбить не тогда, когда вашъ почтенный «гелертеръ» удосужился углубиться въ многотомный трактатъ свой о насъ; вы должны были насъ полюбить не тогда, когда нынѣ мы передъ вами стоимъ, ощетинившись пушками и штыками; вы должны были насъ полюбить — ради образа и подобія Божьяго, который въ васъ вписанъ; бѣднымъ юношей, странникомъ, изучающимъ вашихъ геніевъ, стоитъ передъ вами тотъ «русскій», которому удивлялись вы у Толстого и котораго гнали вы, какъ «студента», потому что онъ —бѣденъ и одинокъ на чужбинѣ; но его вы отвергли; онъ былъ для васъ—слишкомъ скроменъ; то самое «смиреніе», которое превозносите вы въ русскомъ народѣ,—въ немъ было; вы его не увидѣли... Было время: искали мы «голубой цвѣтокъ» романтизма, не у Новалиса только: у васъ; и на протянутую руку дружбы мы слышали отповѣдь: «Руки прочь»... Не удивляйтесь же, что Новалисы, Ницше, Вагнеры, войдя въ плоть и кровь вашихъ чувствъ, не измѣнили въ насъ, русскихъ —«русскаго»: и на мнѣніи о русскомъ народѣ теперь, когда отцвѣтаютъ [illegible] большинства изъ русскихъ отвѣтитъ вамъ: «Нѣтъ! Поздно!»

АНДРЕЙ БѢЛЫЙ.